© 2015 г.

Е.В. ДЕНИСОВА-ШМИДТ, Э.О. ЛЕОНТЬЕВА

КАТЕГОРИЯ "НЕОБУЧАЕМЫХ" СТУДЕНТОВ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН УНИВЕРСИТЕТОВ (на примере дальневосточных вузов)

ДЕНИСОВА-ШМИДТ Елена Викторовна – Dr. phil., доцент кафедры культуры и общества России университета Санкт-Галлена (Швейцария), научный сотрудник центра этики им. Эдмонда Сафры Гарвардского университета, США (elena.denisova-schmidt@unisg.ch); *ЛЕОНТЬЕВА Эльвира Октавьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, политологии и регионоведения Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия* (elvira.leontyeva@gmail.com).

Аннотация. *Рассматривается неблагоприятный отбор в российские университеты как институциональная ловушка. На примере дальневосточных вузов показывается, что современные российские университеты в большей степени заинтересованы в студентах, чем студенты в университетах. Это приводит к тому, что контингент с низким уровнем требований к качеству образования является более важным и более выгодным для университета, чем студенты, которые требовательны к нему. Поэтому, несмотря на формально декларируемые стратегии повышения качества образования, в действительности университет формирует внутреннюю среду, комфортную для "необучаемых". Авторы проводят экспликацию понятия "необучаемость", рассматривают его критерии, а также каналы рекрутинга "необучаемых" в массовых вузах.*

Ключевые слова: *университет • высшее образование • обучаемость • "необучаемые" студенты.*

Низкий уровень качества образования считается одной из самых актуальных проблем российского высшего образования. Среди факторов, детерминирующих эту ситуацию, называют его модернизацию и предоставление вузам возможности оказывать платные образовательные услуги. В статье предлагается рассмотреть этот процесс как институциональную ловушку, в которую попали российские университеты. С одной стороны, они обязаны обозначать формальный приоритет стратегии повышения качества образования, для чего ввести дополнительный контроль и создавать внутренние структуры, отвечающие за соответствие стандартам. Вместе с тем объективные условия – социальная и финансовая база, делают любые усилия по повышению качества невыгодными для университета. Интерпретация этой ловушки в разрезе ожиданий потребителя образовательных услуг позволит ответить на вопрос, является ли качество образования действительно востребованным и какая из сторон – потребитель или университет – больше заинтересованы друг в друге.

Для ответа на эти вопросы были использованы данные исследований, проводившихся в дальневосточных вузах с 2007 по 2013 гг.[1], а также данные Мониторинга экономики образования, проводимого НИУ ВШЭ с 2002 г., и Мониторинга качества приёма в вузы – 2013.

Категория "необучаемых": концептуальные рамки. Быстрый рост количества студентов в российских университетах в 2000-х гг. привёл к тому, что радикально изменились социальные характеристики этой общности. По результатам анализа данных всероссийского опроса 2006 г., были рассмотрены целевые ориентации и учебные стратегии студентов и школьников [Рощина, 2007]. Отмечены некоторые любопытные моменты, которые показывают непоследовательность в том, как связаны общие ориентиры и конкретные учебные приёмы, направленные на их достижение. Общая целевая стратегия, определяющая мотивы прихода в вуз, показывает, что большинство студентов формулируют в качестве ценностной установки стремление к знаниям, считая, что в будущем это даст возможность получить высокооплачиваемую работу. Ценности знания получили наивысший средний балл по 5-балльной шкале – 4,5, но предпочтения в выборе учебных стратегий позволяют усомниться в искренности такой целевой установки. 50% студентов используют для подготовки к занятиям только конспекты лекций и не читают даже учебников. Только около 15% читают помимо конспектов учебники и обязательную литературу. Доля тех, кто знакомится с дополнительной литературой, хотя бы по некоторым предметам, не превышает 10%, к ним следует добавить ещё столько же тех, кто старается освоить дополнительную литературу по всем предметам и/или найти её самостоятельно. При этом доля тех, кто вообще не готовится к занятиям, выше 15%. Студенты вузов в сравнении со старшеклассниками и учащимися среднего профессионального образования показывают наивысший процент в этой категории. В вуз стали приходить студенты, больше ориентированные на формальные знаки-оценки, чем на содержание образования.

Одновременно с этим изменилось направление студенческих потоков. В 1990-е гг. ряд исследователей [Шереги, 2001: 288–295] отмечали негативные последствия замыкания региональных университетов на обучении студентов в основном того же самого региона, где находится учебное заведение. Получив возможность поступать в университет по результатам ЕГЭ, большинство учащихся используют этот шанс, и чаще всего не делают выбор в пользу университетов своего региона. Это привело к тому, что все регионы России разделились на две неравные группы – доноров и реципиентов. Статистические материалы по 79 регионам России показали, что только 8 из них имеют положительный баланс между уехавшими и приехавшими в этот регион на учёбу выпускниками школ [Питухин, Семёнов, 2011]. При этом все дальневосточные регионы являются донорами, т.е. поставщиками выпускников своих школ для университетов других регионов [Denisova-Schmidt, Leontyeva, 2014]. Изначально неблагоприятный отбор для вузов регионов-реципиентов и ухудшение демографической ситуации в целом по стране по общему количеству поступающих позволяет зафиксировать следующие факты: численность будущих

---

[1] Проекты "Социально-философский анализ проблемы качества образования в условиях массового спроса на образовательные услуги" (2008–2010) и "Сетевые взаимодействия в закрытых социальных системах (на примере изучения академической среды)" (2012–2014) выполнялись в рамках тематического плана государственных заданий НИР Тихоокеанского государственного университета. По двум проектам были проведены серии опросов студентов (N = 485) и преподавателей (N = 52). Анкетный опрос студентов проводился по квотной выборке в университетах г. Хабаровска. Опросы преподавателей проводились методом глубинных неформализованных интервью. Проект "Формирование ценностных установок и стереотипов восприятия коррупции у студенческой молодёжи" выполнен в ФЦП в 2012-2013 гг. (грант № 14.B37.21.0267). В его рамках проведено анкетирование (N = 463), интервьюирование(N = 23) и фокус-группы (N = 7) студентов пяти хабаровских университетов.

студентов уменьшается; качество подготовки тех, кто остаётся в регионе, ухудшается; конкуренция между университетами растёт. Это означает, что региональные университеты (и дальневосточные в первую очередь из-за высокой миграционной активности населения) с каждым годом будут ***всё более жестко конкурировать за аудиторию всё более низкого качества.***

По данным о качестве приёма за 2013 г. (см. табл.) большинство дальневосточных университетов занимают очень низкие позиции, особенно по качеству приёма на платные места. Всего в Дальневосточном федеральном округе 50 университетов, 37 государственных и 13 негосударственных [Образование..., 2010: 404]. В выборку мониторинга попал 21 вуз, из предоставивших данные по приёму. Это перечень из наиболее сильных вузов региона. Из них 17 заняли позиции в самом конце списка со средним баллом платного набора ниже 56. Дальневосточный федеральный университет незначительно опередил своих конкурентов. Это позволяет констатировать факт – региональные университеты принимают для обучения студентов, которым сложно освоить требования вузовских образовательных программ, и в ближайшие годы эта ситуация не будет улучшаться.

Отмечая падение базового уровня подготовки “на входе” в университет, вспомним, что именно обучаемость студентов является одним из ресурсов, отличающих образовательные услуги от всех других видов услуг: “…важным ресурсом является степень ***обучаемости*** *(курсив авторов*) студента, от способностей и усилий студента зависят не только его успехи, но и результаты других его товарищей, т.е. наблюдается “эффект сообучения”: студент учится тем лучше, чем лучше учатся остальные члены группы. Поэтому вуз заинтересован в привлечении самых способных студентов – это позволяет повышать качество образовательных услуг и престиж вуза, является сигналом, привлекающих других” [Веретенникова, 2009: 6].

Региональные вузы, предоставляя образовательные услуги, вынуждены их адаптировать под такого потребителя, который не обладает ресурсом обучаемости или обладает в ограниченной степени. Такую категорию студентов будем условно называть ***“необучаемыми”***. Этот термин сконструирован как антипод термина “обучаемость”, широко используемого в социальной психологии и имеющего собственные исследовательские традиции. В психологии имеются методики анализа структуры и степени обучаемости определённым навыкам и знаниям [Корепанова, Сафронова, 2011], исследуются формы и типы обучаемости [Плигин, 2010], а также достаточное внимание уделяется проблеме готовности студентов к обучению в вузе [Красильщиков, 2009; Кусакина, 2009]. Здесь мы будем использовать сконструированный термин в широком смысле слова: ***“необучаемыми”*** будем называть *контингент студентов, не совместимый с* ***учёбой*** *в университете*. Из материалов интервью с преподавателями, сотрудниками и студентами вузов, собранными в 2009–2013 гг., мы выявили следующие основные *критерии “необучаемости.*

1. *Когнитивный критерий*: *уровень базовой подготовки*. В эту группу попадают те, кто не способен освоить университетские программы из-за низкого уровня школьной подготовки. Анализ студенческих стратегий [Леонтьева, 2009; Рощина, 2007; Социальная дифференциация.., 2007; Творогова, 2002] показал, что уже в середине 2000-х гг. сформировался контингент студентов, “избегающих” [Творогова, 2002] учёбы, которым всё равно как и где учиться. По приблизительным оценкам, на основе сравнения наших данных и данных, полученных другими исследователями в 2004–2008 гг., мы оценили долю таких студентов в 15% на середину 2000-х гг. [Леонтьева, 2009: 108–135]. Примерно такой же процент показывают исследования психологов, выявляющие уровень развития мышления у студентов 1 курса. Так, В.В. Красильщиков, изучая сформированность простейших мыслительных операций у студентов-первокурсников (анализ, синтез, сравнение, обобщение) по методике Р. Амтхауэра, отмечает, что “существует доля не менее 15% студентов первых курсов вузов, имеющих уровень сфор-

Таблица

Качество приёма в вузы – дальневосточный регион

Наименование университета	Средний балл по платному набору	Изменение среднего балла по сравнению с 2012 г.	Минимальный балл по платному набору	Количество зачисленных на платное обучение	Средний балл принятого по рзультатам ЕГЭ	Количество зачисленных на бюдетное обучение
Дальневосточный федеральный ун-т., г. Владивосток	56,3	2,5	33,7	718	64,6	2188
Дальневосточный ин-т., филиал РАНХиГС при президенте РФ, г. Хабаровск	**55,6**	2,5	35,0	255	66,9	116
Дальневосточный гос. ун-т путей сообщения, г. Хабаровск	**55,0**	6,4	34,7	671	60,3	979
Дальневосточный гос. гуманитарный ун-т, г. Хабаровск	54,5		36,5	156	61,9	267
Амурский гос. ун-т, г. Благовещенск	**53,5**	1,8	35,7	232	56,7	623
Комсомольский-на-Амуре гос. техн. ун-т	**52,5**	2,1	35,3	233	57,0	434
Благовещенский гос. педагогический ун-т.	**51,5**	–3,4	41,3	5	**54,3**	490
Северо-восточный федеральный ун-т им. М. К. Аммосова	**51,5**	2,8		897	60,1	2074
Приамурский гос. ун-т им. Шолом-Алейхема, г. Биробиджан	**51,4**	4	38,3	99	**51,7**	198
Дальневосточный гос. техн. рыбохозяйственный ун-т, г. Владивосток	**50,0**	3,40	33,3	179	**50,0**	454
Приморская гос. сельскохозяйственная академия, г. Уссурийск	**49,7**	3,30	35,7	93	**46,6**	287
Амурский гуманитарно-педагогический гос. ун-т, г. Комсомольск-на-Амуре	**49,3**	–1,7	36,0	58	57,8	214
Камчатский гос. ун-т им. Витуса Беринга, г. Петропавловск-Камчатский	**49,1**	8,80	34,3	133	61,2	179
Камчатский гос. техн. ун-т, г. Петропавловск-Камчатский	**48,5**	2,70	36,7	12	**51,7**	202
Дальневосточный гос. аграрный ун-т, г. Благовещенск	**47,5**	0,4	32,0	177	**45,3**	487
Тихоокеанский гос. ун-т, г. Хабаровск	**47,3**	–2,5	41,7	304	61,4	850
Сахалинский гос. ун-т, г. Южно-Сахалинск	**46,4**	0,2	34,7	191	56,3	488
Северо-Восточный гос. ун-т, г. Магадан	**43,4**	–0,7	35,0	30	**53,5**	308

Примечание: По данным *Мониторинга НИУ–ВШЭ "Качество приёма в вузы – 2013". VRL: http://www.hse.ru/ege/second_section2013/*

мированности отдельных мыслительных операций ниже нормы, причем наличие этой доли не зависит от специальности, по которой обучаются студенты" [Красильщиков, 2012: 34].

К настоящему времени, в связи с ростом образовательной миграции, можно предполагать только отрицательную динамику. Низкие баллы приёма показывают, что непопулярные направления инженерно-технического профиля, на которые традиционно выделяется большое количество бюджетных мест, пополняются самыми слабыми студентами, из числа которых и формируется контингент "необучаемых". Такие студенты, даже при сниженных требованиях и лояльном отношении преподавателей, не в состоянии освоить учебный план. *"Студенты к нам поступают очень слабые. Из группы 2–3 студента, которые в силе полностью освоить ГОСТовский план, поэтому мы идём в общем-то на среднестатистического студента. Мы спускаем самую низкую планочку... ставим им зачёты и экзамены"* (жен., доцент, 48 л., преподаватель курса теоретической механики). *"Преподаватель на моей кафедре отказывался работать с одним студентом. Он, говорит, необучаемый, он не то, что подумать или проанализировать, он даже одно прочитанное предложение воспроизвести не может. Ну, как-то он же доучился до 4 курса, я решила сама принять. Пришёл, задаю вопросы – ноль полный. Спрашиваю: "В чём дело, вы ведь студент 4 курса, дневного отделения?". "А я, – говорит, – боксёр, меня знаете сколько раз в голову били, как тут можно что-то запомнить". Ну, надо же что-то делать, нам говорят – ищите подходы, сохраняйте контингент. Дала ему задание на дом, один вопрос, чтобы подготовил и рассказал ... Приходит, и опять всё повторяется – ничего, совсем ничего не отвечает"* (жен., 43 г., преподаватель социальных дисциплин).

Несмотря на присутствие таких студентов на дневном отделении, самый массовый по численности канал, по которому вуз рекрутирует когнитивных "необучаемых" – это разные формы заочного, сокращённого, дистанционного и прочего обучения. Студенты заочной формы обучения составляют значительный по численности контингент, по характеристикам базовой подготовки и мотивированности к учёбе проигрывающий студентам-очникам. В 2012–2013 гг. обучающиеся по очной форме составляли не более 45% от общей численности российских студентов [Федеральная служба..., 2014]. Данные опросов показывают, что ни престиж вуза, ни качество образования не являются для заочников существенными признаками при выборе вуза [Заочная форма..., 2012: 205–207].

2. *Мотивационный критерий: цели и задачи пребывания в вузе*. Это те, кто не ориентирован на учёбу и использует университет как площадку для реализации других целей. Многие абитуриенты, успешные, например, в спорте, сразу зачисляются в университеты не для того, чтобы учиться. Их задача – побеждать на соревнованиях и творческих конкурсах, участвовать в Универсиаде и КВН, повышать репутацию вуза и его узнаваемость, популяризировать бренд, делать ему рекламу. В условиях жёсткой конкуренции и рейтингования вузов эта функция очень важна для университета. *"...причина, по которой я поступала в университет – это, то, что там был коллектив* [*название*], *в который я поставила себе цель попасть, но и собственно говоря, да, я попала и пела там... Это эстрадная шоу-группа, в которой отбираются с помощью конкурса молодые люди ... с вокальными данными, которые хотят показать себя на сцене и занимались этим профессионально"* (Анастасия, 22 г., студентка). *"У меня знакомых спортсменов хватает ... у них были льготные условия поступления, в том плане, что они просто выступают за команду, они не поступали на бюджет, но поступали на так называемое целевое обучение, когда они за все 5 лет обучения платят стоимость одного года... Человек учится, например, выступает в команде какой-то и поэтому за него ратует в итоге декан, ректор, проректор или завкафедры, что вот: "Поставьте ему, он у нас здесь поет, танцует, выступает""* (Александр, 21 г., студент).

3. Поведенческий критерий: навыки, полученные в результате первичной социализации. К этой группе отнесём тех, кто не смог освоить и принять правила университетского распорядка. По сравнению с первой и второй эта группа немногочисленна. Наши респонденты говорят, что это единичные случаи, но показателен сам факт всё большего присутствия в вузе не только интеллектуально, но и психически неуравновешенных студентов. *"У нас тяжёлые случаи в смысле учёбы уже давно стали обыденностью, но ведь самое странное, что приходят в вуз просто те, кому надо в клинике наблюдаться, у психиатра, невролога, нарколога или ещё кого. Раньше в вуз только со справкой брали, сейчас нет этого, вот и идут такие кадры, что даже побаиваешься в некоторых группах. ... И угрожают, и посылают, – всё сейчас могут позволить"* (жен, 36 л., преподаватель гуманитарных дисциплин). *"Я на последнем занятии ставила зачёты группе, одному не поставила, не выходил у него зачёт. Он с парты подскочил, здоровенный такой парень, высокий. Двумя кулаками по парте как грохнет, схватил зачётку, разорвал её пополам, на пол швырнул мне под ноги, вышел за дверь и грохнул ею так, что лампы потом долго тряслись. Честно скажу, я испугалась, это ж полный неадекват... Был у нас случай года четыре назад, ударил студент-первокурсник преподавателя. Жуткий был скандал, его отчислили, конечно, сразу, но он потом, буквально на следующий год опять поступил, я знаю..."* (жен, 43 г., преподаватель социальных дисциплин).

Выделенные признаки "необучаемости" могут сочетаться между собой в разных пропорциях, образуя смешанные группы с каким-либо одним доминирующим критерием, как в случае со студентом-боксёром, не мотивированном на учёбу, поскольку его пребывание в университете имеет другую цель, и вместе с тем не способным освоить университетские программы. Важно подчеркнуть, что при всех негативных коннотациях, категория "необучаемых" не несёт оценочной нагрузки. "Необучаемые" – это не значит какие-то плохие второсортные люди, часто даже наоборот – милые, добрые, и возможно, очень талантливые – в спорте, искусстве и прочих полезных для университета вещах. Эта категория трактуется максимально широко. В неё попадают как те, кто *не способен* к обучению в силу отсутствия способностей и базовой подготовки, так и те, кто *не желает* этого делать по разным причинам.

"Необучаемые" студенты и интерес университета. Нет оснований полагать, что существуют университеты, в которых не было бы таких студентов вообще, поскольку все каналы рекрутирования "необучаемых" работают во всех университетах. В том или ином количестве "необучаемые" присутствуют в каждом вузе. Принципиально важным является то, насколько университет заинтересован в их присутствии, и представляют ли они для него доминирующий, жизненно важный ресурс. Это можно обнаружить по двум признакам. Первый – может ли университет позволить себе провести конкурсный отбор на платное обучение и второй – существует ли в университете проблема закрытия бюджетных мест. Именно эти критерии, на наш взгляд, являются на самом деле показателями массовости, избранности или элитности вуза. В большинстве российских региональных университетов за последние 5–7 лет устные рекомендации преподавателям со стороны руководства вуза проявлять гибкость по отношению к "необучаемым" студентам трансформировались в чётко артикулированную политику на сохранение контингента обучающихся. Чем более развиты указанные выше каналы рекрутинга, тем больше численность "необучаемых" в университете. Складывается ситуация воспроизводства зависимости от сложившегося по негативному сценарию самовоспроизводящегося неэффективного института – институциональной ловушки.

Рациональная составляющая, обеспечивающаяся воспроизводство неэффективного института, позволяет поддержать баланс интересов трёх сторон. Во-первых, это потребитель (студент), желающий получить набор благ, предоставляемый университетом. Поскольку, знания или компетенции в этот набор часто не входят, универси-

тет – вторая сторона – предоставляет возможность своего рода обмена. Он позволяет *не учиться в обмен на те блага,* которые даёт ему студент и которые жизненно важны для университета. Таких благ можно выделить три. Первое – это активная деятельность по укреплению позитивного имиджа вуза и его трансляция за пределы региона, реализация которой способствует, в конечном счёте, росту его репутации. Второе благо – поддержка внебюджетных фондов. По данным исследований, до 97% внебюджетных фондов региональных вузов формируются за счёт оказания платных образовательных услуг [Вузы-образованцы..., 2013]. *Это означает, что для большинства российских университетов обучение является чуть ли не единственным способом зарабатывания денег, а большую часть этих денег им приносят "необучаемые".* Третье благо – помощь в освоении государственных денег, что на практике означает зачисление на бюджетные места и дальнейшие действия, направленные на сохранение этого контингента.

Тем не менее, как для потребителей, так и для Министерства, университет должен формулировать приоритетность стратегии качества образования. В реальности это ставит руководство университета в патовую ситуацию, когда каждый шаг по повышению качества должен сопровождаться сокращением количества "необучаемых". Но рост числа потребителей с претензиями к качеству, т.е. рост числа хорошо обучающихся студентов с высокими запросами к образованию, невыгоден для университета. Заявляя свои права на образование надлежащего уровня и качества, они ставят под угрозу факт существования "необучаемого" контингента. Складывается парадоксальная ситуация – контингент с низким уровнем требований к качеству образования является более важным и более выгодным для университета, чем тот, который потенциально может показать более высокий уровень усвоения учебных программ. Поэтому, ориентируясь на формальные показатели отчётности, университет формирует внутреннюю среду, комфортную для "необучаемых". Это влечёт за собой тот клубок проблем, в которых пытаются сейчас разобраться университеты: отсутствие стимулов к повышению академической культуры для преподавателей; дискредитация учебных программ и образовательных стандартов из-за снижения уровня требований к содержанию образования; девальвация оценок и отсутствие чётких критериев их выставления; коррупция и неформальные практики получения оценок.

В долгосрочной перспективе обучение "необучаемых" окажется саморазрушительной стратегией. Во-первых, из-за естественного сокращения численности студентов университеты уже сейчас теряют внебюджетные деньги, эта тенденция будет сохраняться в последующие годы. Во-вторых, из-за введения непрозрачных правил распределения бюджетных мест в соответствии с рейтингом, в вузах массового звена постепенно будет сокращаться бюджетное финансирование [Черных, 2013]. Министр образования Д. Ливанов объявил о том, что опробованная схема конкурсного распределения бюджетных мест будет реализована и в последующие годы [Ливанов объяснил..., 2013]. В-третьих, усиление администрирования вузов со стороны министерства приводит к увеличению объёмов отчётности и необходимости содержать всё возрастающий административный аппарат, в том числе и обеспечивающий отчётность по "системе менеджмента качества образования", заменившей реальное, невыгодное для университета высокое качество образования [Бляхер, 2013]. Университеты вынуждены содержать увеличивающийся штат на сокращающиеся доходы (увеличение штата не распространяется на профессорско-преподавательский состав, сокращающийся одновременно с контингентом студентов).

Всё это означает, что массовые российские университеты, ориентированные преимущественно на стратегию обучения "необучаемых", оформились в своеобразную страту. В общей структуре университетской иерархии они балансируют между "средним" звеном и неэффективными вузами, пытаясь за счёт привлечения своего

контингента получить дополнительные ресурсы, сформировать новые механизмы повышения престижа, найти в замкнутом круге воспроизводства неэффективности точки роста, которые смогли бы переломить сложившуюся ситуацию. Однако разве может быть иной картина, когда *в университеты поступает и собирается поступать более 80% выпускников школ* [Denisova-Schmidt, 2013], *и когда вследствие разрушения среднего профессионального образования и падения престижа рабочих профессий других образовательных альтернатив перед школьниками фактически нет.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бляхер М.Л. Гиперрегулирование в системе высшего образования // Отечественные записки. 2013. № 4. URL: http://www.strana-oz.ru/2013/4/giperregulirovanie-v-sisteme-vysshego-obrazovaniya (дата обращения: 05.11.2013).

Веретенникова Н.В. Институциональные ловушки российской системы высшего образования // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 1(5). С. 5–13.

Вузы-образованцы. URL: http://www.hse.ru/news/1163613/98447863.html (дата обращения: 24.10.2013).

Заочная форма обучения в учреждениях высшего профессионального образования: характеристики обучающихся (по данным статистики и Мониторинга экономики образования) // Вопросы образования. 2012. № 4. С. 200–212.

Корепанова И.А., Сафронова М.А. Три понятия о реальности детского развития: обучаемость, зона ближайшего развития и скаффолдинг // Культурно-историческая психология. 2011. № 2. С. 74–83.

Красильщиков В.В. Исследование сформированности мыслительных операций у студентов вузов // Психологическая наука и образование. 2012. № 3. С. 34–44.

Кусакина С.Н. Готовность к обучению в вузе как психологический феномен. Автореферат дисс. на соискание уч. ст. к. психол. н. / Московский государственный педагогический университет. Москва, 2009.

Леонтьева Э.О. Региональный вуз в период перемен: неформальные доминанты системы. Хабаровск, 2009.

Ливанов объяснил принцип распределения бюджетных мест в вузах // Lenta.ru. URL: http://lenta.ru/news/2013/05/27/pere (дата обращения: 02.11. 2013).

Образование в Российской Федерации–2010: стат.сб. М.: ГУ–ВШЭ, 2010.

Питухин Е.А., Семёнов А.А. Анализ межрегиональной мобильности выпускников школ при поступлении в высшие учебные заведения // Университетское управление: практика и анализ. 2011. № 3. С. 82–89.

Плигин А.А. Обучаемость как психологический феномен и его развитие у школьников // Актуальные проблемы психологического знания. 2010. № 1. С. 78–87.

Рощина Я.М. Социальная дифференциация и образовательные стратегии российских студентов и школьников. Информационный бюллетень. М.: ГУ–ВШЭ, 2007.

Социальная дифференциация и образовательные стратегии российских студентов и школьников. Информационный бюллетень. М.: ГУ–ВШЭ, 2007.

Творогова С.В. Terra incognita: стратегии обучения студентов ведущих технических вузов г. Москвы конца 1990-х годов // Мир России. 2002. № 2. С. 139–163.

Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. Образовательные организации высшего образования (на начало года). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/vp-obr1.htm (дата обращения: 04.06.2014).

Черных А. С гуманитариями поступили негуманно // Коммерсантъ. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2188657 (дата обращения: 02.11.2013).

Шереги Ф.Э. Социология образования. М.: Academia, 2001.

Denisova-Schmidt E. Justification of Academic Corruption at Russian Universities: A Student Perspective (November 14, 2013). Edmond J. Safra Working Papers, №. 30. URL: http://ssrn.com/abstract=2353513 (дата обращения: 02.11.2013).

Denisova-Schmidt E., Leontyeva E. The Unified State Exam in Russia: Problems and Perspectives. International Higher Education. 2014. № 76. P. 22–23.